

Любовь и женщины на войне

"Про любовь спрашиваете? Я не боюсь сказать правду... Я была "пэпэже", то, что расшифровывается — походно-полевая жена. Жена на войне. Вторая. Незаконная.

Первый командир батальона...

Я его не любила. Он хороший был человек, но я его не любила. А пошла к нему в землянку через несколько месяцев. Куда деваться? Одни мужчины вокруг, так лучше с одним жить, чем всех бояться. В бою не так страшно было, как после боя, особенно, когда отдых, на переформирование отойдем. Как стреляют, огонь, они зовут: "Сестричка! Сестренка!", а после боя каждый тебя стережет...

Из землянки ночью не вылезешь... Говорили вам это другие девчонки или не признались? Постыдились, думаю... Промолчали. Гордые! А оно все было... Потому что умирать не хотелось... Было обидно умирать, когда ты молодой... Ну, и для мужчин тяжело четыре года без женщин...

Второй командир батальона...

Я его любила. Я шла с ним в бой, я хотела быть рядом. Я его любила, а у него была любимая жена, двое детей. Он показывал мне их фотографии. И я знала, что после войны, если останется жив, он вернется к ним. В Калугу. Ну и что? У нас были такие счастливые минуты! Мы пережили такое счастье! Вот вернулись... Страшный бой... А мы живые... У него ни с кем такое не повторится! Не получится! Я знала... Я знала, что счастливым он без меня не будет. Не сможет быть счастливым ни с кем так, как мы были с ним счастливы на войне. Не сможет... Никогда!..

В конце войны я забеременела. Я так хотела... Но нашу дочку я вырастила сама, он мне не помог. Палец о палец не ударил. Ни одного подарка или письма. Открыточки. Кончилась война, и кончилась любовь. Как песня... Он уехал к законной жене, к детям. Оставил мне на память свою фотокарточку. А я не хотела, чтобы война кончалась...

Страшно это сказать... Открыть свое сердце... Я — сумасшедшая. Я любила! Я знала, что вместе с войной кончится и любовь. Его любовь... Но все равно я ему благодарна за те чувства, которые он мне дал, и я с ним узнала. Вот я его любила всю жизнь, я пронесла свои чувства через годы. Мне уже незачем врать. Я уже старая. Да, через всю жизнь! И я не жалею.

Дочь меня упрекала: "Мама, за что ты его любишь?" А я люблю... Недавно узнала — он умер. Я много плакала... И мы даже из-за этого поссорились с моей дочерью: "Что ты плачешь? Он для тебя давно умер". А я его и сейчас люблю. Вспоминаю войну, как лучшее время моей жизни, я там была счастливая... Только, прошу вас, без фамилии. Ради моей дочери..."

Софья К-вич, санинструктор

"Мы были живые, и любовь была жива....Раньше это был большой позор — на нас говорили: ППЖ, полевая, подвижная жена. Говорили, что нас всегда бросали. Никто никого не бросал! Иногда, конечно, что-то не складывалось, так и сейчас бывает, сейчас даже чаще. Но в основном сожители или погибали, или до конца дней доживали со своими законными мужьями.

Мой брак полгода был незаконным, но мы прожили с ним 60 лет. Его звали Илья Головинский, кубанский казак. Я пришла к нему в блиндаж в феврале 1944 года.

—Как же ты шла? — спрашивает.

—Обыкновенно.

Утром он говорит:

—Давай, я тебя провожу.

—Не надо.

—Нет, я тебя провожу.

Мы вышли, а кругом написано: "Мины, мины, мины".

Оказывается, я к нему шла по минному полю. И прошла".

Анна Мишле, санинструктор

"Прибыли на Первый Белорусский фронт... Двадцать семь девушек. Мужчины на нас смотрели с восхищением: "Ни прачки, ни телефонистки, а девушки-снайперы. Мы впервые видим таких девушек. Какие девушки!" Старшина в нашу честь стихи сочинил. Смысл такой, чтобы девушки были трогательными, как майские розы, чтобы война не покалечила их души.

Уезжая на фронт, каждая из нас дала клятву: никаких романов там не будет. Все будет, если мы уцелеем, после войны. А до войны мы не успели даже поцеловаться. Мы строже смотрели на эти вещи, чем нынешние молодые люди. Поцеловаться для нас было — полюбить на всю жизнь. На фронте любовь была как бы запрещенной, если узнавало командование, как правило, одного из влюбленных переводили в другую часть, попросту разлучали. Мы ее берегли-хранили. Мы не сдержали своих детских клятв... Мы любили...

Я думаю, что если бы я не влюбилась на войне, то я бы не выжила. Любовь спасала. Меня она спасла..."

Софья Кригель, старший сержант, снайпер

"- Но ведь была любовь?"

- Да, была любовь. Я ее встречала у других. Но вы меня извините, может, я и не права, и это не совсем естественно, но я в душе осуждала этих людей. Я считала, что не время заниматься личными вопросами. Кругом зло, смерть, пожар. Мы каждый день это видели, каждый час. Невозможно было забыть об этом. Ну, невозможно, и все. Мне кажется, что так думала не одна я."

Евгения Кленовская, партизанка

Я многое забыла, почти все забыла. А думала, что не забуду. Ни за что не забуду. Мы уже шли через Восточную Пруссию, уже все говорили о Победе. Он погиб... Погиб мгновенно... От осколка... Мгновенной смертью. Секундной. Мне передали, что их привезли, я прибежала... Я его обняла, я не дала его забрать. Хоронить.

В войну хоронили быстро: днем погиб, если бой быстрый, то сразу собирают всех, свозят отовсюду и роют большую яму. Засыпают. Другой раз одним сухим песком. И если долго на этот песок смотреть, то кажется, что он движется. Дрожит. Колышется этот песок. Потому что там... И я не дала его тут же хоронить. Хотела, чтобы еще была у нас одна ночь. Сидеть возле него. Смотреть... Гладить...

Утром... Я решила, что увезу его домой. В Беларусь. А это — несколько тысяч километров. Военные дороги... Неразбериха... Все подумали, что от горя я сошла с ума. "Ты должна успокоиться. Тебе надо поспать". Нет! Нет! Я шла от одного генерала к другому, так дошла до командующего фронтом Рокоссовского. Сначала он отказал... Ну, ненормальная какая-то! Сколько уже в братских могилах похоронено, лежит в чужой земле...

Я еще раз добилась к нему на прием:
- Хотите, я встану перед вами на колени?
- Я вас понимаю... Но он уже мертвый...
- У меня нет от него детей. Дом наш сгорел. Даже фотографии пропали. Ничего нет. Если я его привезу на родину, останется хотя бы могила. И мне будет куда возвращаться после войны.

Молчит. Ходит по кабинету. Ходит.

- Вы когда-нибудь любили, товарищ маршал? Я не мужа хороню, я любовь хороню.

Молчит.

- Тогда я тоже хочу здесь умереть. Зачем мне без него жить?

Он долго молчал. Потом подошел и поцеловал мне руку. Мне дали специальный самолет на одну ночь. Я вошла в самолет... Обняла гроб... И потеряла сознание..."

Ефросинья Бреус, капитан, врач

"Влюбился в меня командир роты разведчиков. Записочки через своих солдат пересылал. Я пришла к нему один раз на свидание. "Нет, — говорю. — Я люблю человека, которого уже давно нет в живых". Он вот так близко ко мне придвинулся, прямо в глаза посмотрел, развернулся и пошел. Стреляли, а он шел и даже не пригибался..."

Потом, это уже на Украине было, освободили мы большое село. Я думаю: "Дай пройду, посмотрю". Погода стояла светлая, хатки белые. И за селом так — могилки, земля свежая... Тех, кто в бою за это село погиб, там похоронили. Сама не знаю, ну как потянуло меня. А там фотография на дощечке и фамилия. На каждой могилке... И вдруг смотрю — знакомое лицо... Командир роты разведчиков, который мне в любви признался. И фамилия его... И мне так не по себе стало. Страх такой силы... Будто он меня видит, будто он живой...

Вот я чувствовала... Будто я перед ним виновата... "

Ольга Омельченко, санинструктор стрелковой роты

"Только недавно узнала я подробности гибели Тони Бобковой. Она заслонила от осколка мины любимого человека. Осколки летят — это какие-то доли секунды... Как она успела? Она спасла лейтенанта Петю Бойчевского, она его любила. И он остался жить.

Через тридцать лет Петя Бойчевский приехал из Краснодара и нашел меня на нашей фронтовой встрече, и все это мне рассказал. Мы съездили с ним в Борисов и разыскали ту поляну, где Тоня погибла. Он взял землю с ее могилы... Нес и целовал...".

Нина Афанасьева, старшина женского запасного стрелкового полка

"У нас — комбат и медсестра Люба Силина... Они любили друг друга! Это все видели... Он шел в бой, и она... Говорила, что не простит себе, если он погибнет не на ее глазах, и она не увидит его в последнюю минуту. "Пусть, — хотела, — нас вместе убьют. Одним снарядом накроет". Умирать они собирались вместе или вместе жить.

Наша любовь не делилась на сегодня и на завтра, а было только — сегодня. Каждый знал, что ты любишь сейчас, а через минуту или тебя или этого человека может не быть. На войне все происходило быстрее: и жизнь, и смерть. За несколько лет мы прожили там целую жизнь. Я никогда никому не могла это объяснить. Там — другое время...

В одном бою комбата тяжело ранило, а Любу легко, чуть царапнуло в плечо. И его отправляют в тыл, а она остается. Она уже беременная, и он ей дал письмо: "Езжай к моим родителям. Что бы со мной ни случилось, ты моя жена. И у нас будет наш сын или наша дочь".

Потом Люба мне написала: его родители не приняли ее, и ребенка не признали. А комбат погиб..."

Нина Михай, старший сержант, медсестра

"...У нас служила санинструктором Стукалова Валя. Она мечтала стать певицей. У неё был очень хороший голос и такая фигура... Блондинка, интересная, голубоглазая. Мы с ней немножко подружились. Она участвовала в художественной самодеятельности. Они перед прорывом блокады ездили с выступлениями по частям. На Неве стояли наши эсминцы "Смелый", "Храбрый".

Валя пела, а ей аккомпанировал старшина или мичман с эсминца Бобров Модест родом из г. Пушкина. Валя ему очень понравилась. В том же красноборском мешке, где была ранена я, ранило в бедро и Валю. Ей ампутировали ногу. Когда об этом узнал Модест, то он отпросился у командира корабля в отпуск в Ленинград. Узнал, в каком госпитале она лежит.

Я не представляю где, но он достал цветы, это сегодня можно заказать доставку цветов, а в то время об этом даже не слышали! В общем, с этим букетом роз пришел в госпиталь, вручил Вале эти цветы. Встал на колени и попросил её руки.... У них трое детей. Два сына и дочь".

Тамара Овсянникова, связистка

"Мой первый поцелуй..."

Младший лейтенант Николай Белохвостик... тогда были молодые годы. Юные. Я думала... Была уверена... Что... Я никому не признавалась, даже подруге, что в него влюблена. По уши. Моя первая любовь... Может, и единственная? Кто знает... Я думала: никто в роте не догадывается. Мне никто раньше так не нравился! Если нравился, то не очень. А он... Я ходила и о нем постоянно думала, каждую минуту. Что... Это была настоящая любовь. Я почувствовала. Все знаки...

Мы его хоронили... Он лежал на плащ-палатке, его только-только убило. Немцы нас обстреливают. Надо хоронить быстро... Прямо сейчас... Нашли старые березы, выбрали ту, которая поодаль от старого дуба стояла. Самая большая. Возле нее... Я старалась запомнить, чтобы вернуться и найти потом это место. Тут деревня кончается, тут развилка... Но как запомнить? Как запомнить, если одна береза на наших глазах уже горит... Как?

Стали прощаться... Мне говорят: "Ты — первая!" У меня сердце подскочило, я поняла... Что... Всем, оказывается, известно о моей любви. Все знают... Мысль ударила: может, и он знал? Вот... Он лежит... Сейчас его опустят в землю... Зароют. Накроют песком... Но я страшно обрадовалась этой мысли, что, может, он тоже знал. А вдруг и я ему нравилась? Как будто он живой и что-то мне сейчас ответит... Вспомнила, как на Новый год он подарил мне немецкую шоколадку. Я ее месяц не ела, в кармане носила.

Сейчас до меня это не доходит, я всю жизнь вспоминаю... Этот момент... Бомбы летят... Он... Лежит на плащ-палатке... Этот момент... А я радуюсь... Стою и про себя улыбаюсь. Ненормальная. Я радуюсь, что он, может быть, знал о моей любви... Подошла и его поцеловала. Никогда до этого не целовала мужчину... Это был первый..."

Из собранного Светланой Алексиевич

"У нас один офицер влюбился в немецкую девушку... Дошло до начальства... Его разжаловали и отправили в тыл. Если бы изнасиловал... Это... Конечно, было... У нас мало едят, но это — закон войны. Мужчины столько лет без женщин обходились, и, конечно, ненависть.

Войдем в городок или деревню — первые три дня на грабеж и... Ну, негласно, разумеется... Сами понимаете... А через три дня уже можно было и под трибунал попасть. Под горячую руку. А три дня пили и... А тут — любовь. Офицер сам признался в особом отделе — любовь. Конечно, это — предательство... Влюбиться в немку — в дочь или жену врага? Это... И... Ну, короче, забрали у него фотографии, ее адрес..."

А. Раткина, младший сержант, телефонистка

"Привезли раненого, полностью забинтованный, у него было ранение в голову, он чуть только виден. Немножко. Но, видно, я ему кого-то напомнила, он ко мне обращается: "Лариса... Лариса... Лорочка..." По всей видимости, девушку, которую он любил. Я знаю, что я этого товарища никогда не встречала, а он зовет меня.

Я подошла, никак не пойму, все присматриваюсь. "Ты пришла? Ты пришла?" Я за руки его взяла, нагнулась... "Я знал, что ты придешь..." Он что-то шепчет, я не могу понять, что он говорит.

И сейчас не могу рассказывать, когда вспомню этот случай, слезы пробиваются. „Я, — говорит, — когда уходил на фронт, не успел тебя поцеловать. Поцелуй меня..." И вот я нагибаюсь над ним и поцеловала его. У него из глаза слеза выскочила и поплыла в бинты, спряталась. И все. Он умер..."

Ольга Омельченко, санинструктор стрелковой роты

"Ушла я из Казани на фронт девочкой, девятнадцать лет. А через полгода писала маме, что мне дают двадцать пять — двадцать семь лет. Каждый день в страхе, в ужасе. Осколок летит, так кажется: с тебя снимают кожу. И люди умирают. Умирают каждый день, каждый час. Такое чувство, что каждую минуту. Простыней не хватало накрыть. В нижнем белье складывали. Страшная тишина стояла в палатах. Такой тишины я больше никогда не помню.

И я говорила себе, что ни одного слова любви в этом аду я слышать не смогу. Не смогу поверить. Из-за этого...

Девчонки постарше говорили, что, мол, если бы даже все горело, все равно была бы любовь. А я не соглашалась. Вокруг раненые, вокруг стон... У мертвых такие желто-зеленые лица. Ну, как ты можешь думать о радости? О своем счастье. Душа рвалась... И так страшно, что волосы седели. Я не хотела сочетать любовь с этим. Мне казалось, что здесь любовь погибнет мигом. Без торжества, без красоты какая может быть любовь? Кончится война, будет красивая жизнь. И любовь. Вот такое было чувство.

Убить могли каждую минуту. Не только днем, но и ночью. Война не прекращалась ни на минуту. А вдруг я погибну, и тот, кто меня полюбит, будет страдать. И мне так жалко.

Мой теперешний муж, он за мной так ухаживал. А я ему говорила: "Нет-нет, кончится война, только тогда мы сможем об этом говорить".

Не забуду, как однажды он вернулся из боя и просил: "У тебя нет какой-нибудь кофточки? Одень, пожалуйста. Дай посмотреть, какая ты в кофточке". А у меня ничего не было, кроме гимнастерки.

Я и подружке своей говорила: "Цветов тебе не дарил, не ухаживал... И вдруг — замуж. Разве это любовь?" Я ее чувств не понимала..."

Мария Божок, медсестра

"В 1944 году, когда прорвали и сняли блокаду Ленинграда, соединились Ленинградский и Волховский фронт. Мы освободили Великий Новгород, Псковскую область, вышли на Прибалтику. Когда освобождали Ригу, было время затишья перед боем, мы устроили песни-пляски, и к нам пришли летчики с аэродрома. Я с одним потанцевала.

Была строгая дисциплина: в 10 часов старшина командовал "отбой", и солдаты строились на проверку. Ребята с девочками попрощались, пошли. Солдат, с которым мы танцевали, спрашивает: "Как звать тебя?" — "Зина". — "Зина, давай обменяемся адресами. Может, кончится война, живы останемся, встретимся?". Я ему дала адрес бабушки...

После войны, работая пионервожатой, прихожу домой, смотрю, бабушка стоит у окна, улыбается. Думаю: "Что такое?" Открываю дверь, стоит летчик Анатолий, с которым мы танцевали. Он закончил войну в Берлине, сохранил адрес и приехал. Когда мы с ним расписались, мне было 19, а ему 23 года. Так я попала в Москву, и мы прожили вместе всю жизнь".

Зинаида Иванова, связистка

"Седьмого июня у меня было счастье, была моя свадьба. Часть устроила нам большой праздник. Мужа я знала давно: он был капитан, командовал ротой. Мы с ним поклялись, если останемся жить, то поженимся после войны. Дали нам месяц отпуска... Мы поехали в Кинешму, это Ивановская область, к его родителям. Я ехала героиней, я никогда не думала, что так можно встретить фронтовую девушку.

Мы же столько прошли, столько спасли матерям детей, женам мужей. И вдруг... Я узнала оскорбление. Я услышала обидные слова. До этого же кроме как: "сестричка родная", "сестричка дорогая" ничего другого не слышала. А я не какая-нибудь была, я была красивенькая, чистенькая.

Сели вечером пить чай, мать отвела сына на кухню и плачет: "На ком ты женился? На фронтовой... У тебя же две младшие сестры. Кто их теперь замуж возьмет?"

Любовь способна выжить в
любых условиях и даже на
фронте!

ОН ВЕРНУЛСЯ ЛИШЬ ПОТОМУ,
что она его ждала...